

РЕФЛЕКСИВНАЯ АКТИВНОСТЬ В УПРАВЛЕНИИ*

© 2017 г. В.Е. Лепский**

***ФГБУН Институт философии РАН, Москва, Россия;*

e-mail: Lepsky@tm-net.ru

Почтовый адрес: г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, 109 240, Россия

Аннотация. В контексте развития представлений о научной рациональности (классическая, неклассическая, постнеклассическая) обосновывается увеличение роли и разнообразия видов рефлексивной активности в управлении. Выделение адекватных типам научной рациональности базовых подходов (деятельностный, субъектно-деятельностный, субъектно-ориентированный) и базовых парадигм («субъект – объект», «субъект – субъект», «субъект – метасубъект») позволило выделить соответствующие им доминирующие виды рефлексивной активности. Обоснован тренд перехода от управления к саморегулированию рефлексивной активности в саморазвивающихся рефлексивно-активных средах.

Ключевые слова: рефлексивная активность, классическая, неклассическая, постнеклассическая рациональность, субъектно-ориентированный подход, деятельностный подход, субъектно-деятельностный подход, саморазвивающиеся рефлексивно-активные среды

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика управления в последние десятилетия приобретает все большую актуальность, о чем свидетельствует организация в ряде стран новых исследовательских центров, которые оказались востребованными для решения крупномасштабных задач в сфере экономики и политики. В частности, одним из этих центров (Институт Санта-Фе) была разработана концепция «управляемого хаоса» и технологии ее реализации, которые оказали существенное влияние на ряд стран мирового сообщества. Эти факты позволяют сделать вывод, что найдены новые парадигмы управления, которые подтвердили свою адекватность для больших социальных систем. В

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00706.

**Доктор психологических наук, главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт философии РАН.

XXI в. государства, не владеющие современными технологиями управления, обречены стать объектами управления в интересах различных субъектов мирового сообщества.

Интерес философии и психологии к проблемам управления появился еще в Античности, а в современных реалиях он все более возрастает. В последние десятилетия в науке происходят принципиальные изменения, связанные, согласно В.С. Степину, с развитием философии науки. Не принимая во внимание этих изменений, мы рискуем упустить из виду принципиальные преобразования в междисциплинарном анализе эволюции представлений об управлении, в первую очередь, в исследовании рефлексивной активности субъектов и объектов управления. В последние годы все более усиливается внимание к рефлексивной активности в работах ведущих зарубежных специалистов по системному анализу и кибернетике (Umpleby, 2014; Müller, 2015; Лефевр, 2009).

Развитие представлений о научной рациональности сопровождалось коренным изменением нормативных структур исследования, а также философских оснований науки. Три этапа развития науки можно охарактеризовать как связанные с доминантой одного из трех типов научной рациональности – классической, неклассической и постнеклассической (Степин, 2003, с. 619–636).

В статье обосновывается тренд повышения роли рефлексивной активности в процессах управления, раскрывается специфика рефлексивной активности в контексте развития научной рациональности.

РЕФЛЕКСИВНАЯ АКТИВНОСТЬ В УПРАВЛЕНИИ

В управлении представлены три взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга вида активности субъектов: деятельностная, коммуникативная и рефлексивная. Для понимания специфики их актуализации в управлении и механизмов взаимодействия необходимо рассмотреть философско-методологические основания представлений об управлении в контексте развития научной рациональности. Эти основания

базируются на идеях В.С. Степина (Степин, 2003, с. 619–636) и развиты в нашей авторской интерпретации (Лепский, 2015). Базовые философско-методологические основания для анализа различных видов активности субъектов в управлении представлены в таблице 1.

Заданные аспекты рассмотрения позволяют, на наш взгляд, достаточно полно провести междисциплинарный анализ эволюции представлений об управлении в контексте развития научной рациональности и выявить доминирующие виды и специфику рефлексивной активности, а также обосновать тренд повышения роли рефлексивной активности в процессах социального управления.

Табл. 1. Базовые философско-методологические основания для анализа различных видов активности субъектов в управлении

Философский уровень анализа		Методологический уровень анализа			Доминирующие виды рефлексивной активности
Тип научной рациональности	Базовые философские подходы	Базовые парадигмы	Базовые объекты и виды активности субъектов	Базовые научные подходы	
Классическая	Позитивизм	«Субъект – Объект»	Сложные системы. Деятельностная активность	Деятельностный Монодисциплинарный	Личностная рефлексия, надситуационная рефлексия
Неклассическая	Философский конструктивизм	«Субъект – Субъект»	Активные системы Коммуникативная активность	Субъектно-деятельностный Междисциплинарный	Коммуникативная рефлексия

Постнеклассическая	Гуманистическая трактовка философского конструктивизма	«Субъект – Метасубъект». «Субъект – Полисубъектная саморазвивающаяся среда»	Саморазвивающиеся среды. Рефлексивная активность	Субъектно-ориентированный. Трансдисциплинарный	Рефлексия стратегических субъектов
--------------------	--	---	--	--	------------------------------------

Принципиально важно отметить, что каждый тип научной рациональности, обладая своей спецификой, является также рамочным для включения в свой инструментарий нижележащего типа научной рациональности. Постнеклассический тип научной рациональности опирается на все выделенные виды рефлексивной активности, включая базовые виды рефлексивной активности для классики и неклассики. В постнеклассической научной рациональности рефлексивная активность является доминирующей над деятельностной активностью и коммуникативной.

РЕФЛЕКСИВНАЯ АКТИВНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ КЛАССИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Классический тип научной рациональности, центрируя внимание на объекте, стремится при теоретическом объяснении и описании элиминировать все, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности. Научные исследования рассматриваются как познание законов природы, существующих вне человека. Традиционное представление об управлении родилось в контексте классической науки, и оно ограничилось парадигмой «субъект – объект». В работе В.А.Лекторского (Лекторский, 2010, с. 5–18) рассмотрено классическое видение субъект-объектного взаимодействия Р. Декартом, Д. Юмом, И. Кантом, Э. Махом, Э. Гуссерлем, Л. Витгенштейном и др.

Доминирующим является деятельностный подход, в котором свобода субъекта ограничена в рамках заданных целей и норм, регулирующих деятельность.

Базовыми объектами управления в контексте классической научной рациональности и парадигмы «субъект – объект» выступают, как простые, так и большие системы. Характерно, что суммарные свойства их частей исчерпывающе определяют свойства целого; связи между элементами подчиняются лапласовской причинности. Эти системы гомеостатичны. В них обязательно имеется программа функционирования, которая формирует управляющие команды и корректирует поведение системы на основе обратных связей.

К базовому виду управления субъектами следует отнести классическое кибернетическое управление, предполагающее наличие системы и объекта управления. Типичная модель субъекта представляется в виде «черного ящика». Система управления вырабатывает управляющие воздействия для удержания субъекта на заданной траектории и учитывает его отклонение от нее за счет обратных связей. Кибернетическое видение субъекта находило свое отражение и в областях психологии, психотерапии, педагогики. Ярким примером может служить широко используемый до настоящего времени метод НЛП. Согласно афоризму фон Фёрстера, кибернетика первого порядка – это кибернетика наблюдаемых систем, что определяет специфику видов управления в контексте классической научной рациональности на основе парадигмы «субъект – объект».

В контексте классической научной рациональности доминирует монодисциплинарный подход, как в научных исследованиях, так и в практике. Фактически проблемы исследования субъектов фокусируются по отдельным областям знания: философии, психологии, кибернетики и др.

В контексте классической научной рациональности существенное влияние оказывали философские взгляды, связанные с различными направлениями позитивизма, в частности, с широким использованием моделей человека на основе бихевиоризма, базирующегося также на позитивистских представлениях.

В рамках этой парадигмы и доминирования деятельностной активности сложились определенные представления по управлению рефлексивной активности.

Что касается объекта управления, то в отношении него имеет место стремление к игнорированию его рефлексивной активности. В отношении к субъекту управления имеет место стремление, как к стимулированию рефлексивной активности, так и к ее блокировке.

Игнорирование рефлексивной активности объектов управления осуществлялось за счет использования различных методов моделирования: аналитических методов, статистических методов, методов интерполяции и экстраполяции, методов имитационного моделирования и др. При управлении техническими системами этот подход вполне себя оправдывал. Однако при попытках управления социальными системами (организации, государства и др.), он оказался явно неадекватным масштабам и специфике такого рода систем.

Ярким примером игнорирования рефлексивной активности субъектов управления является подход *теории игр* (и исследования операций), пик популярности которой приходится на 50–60-е гг. XX столетия. В это время она становится основной референтной теорией принятия решений в условиях конфликта. Такие понятия, как «максимальный минимум» (maxmin), «игра с нулевой суммой», «смешанная стратегия», «дилемма заключенного» начинают употребляться не только специалистами, но также далекими от математики людьми – военными, дипломатами, политологами и даже журналистами. Именно отступление перед проблемой сложности рефлексивной активности объекта управления, в качестве которого выступали активные субъекты, преследующие свои цели, заставило принять критерий гарантированного результата, поиска лучшего из худших результатов (maxmin). Имело место признание превосходства рефлексивной активности противоборствующей стороны. В 1970-е гг. в использовании теории игр наступил кризис. Оказалось, что схема, положенная в ее основу,

бедна. Это породило значительные трудности при попытках использовать формализм теории при моделировании военных операций, международных отношений и экономических коллизий.

Стремление к стимулированию рефлексивной активности субъектов управления связано с целесообразностью «рефлексивного выхода» за пределы сложившихся стереотипов принятия решений в проблемных ситуациях. С.Л. Рубинштейн (Рубинштейн, 1997б) выделил два способа существования человека как субъекта жизни. Первый – жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых существует человек (реактивный способ жизнедеятельности). Второй способ существования связан с появлением рефлексии. Сознание выступает как разрыв, выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции *над ней, вне ее* для суждения о ней (рефлексивный способ жизнедеятельности). Проблема надситуативной активности нашла свое отражение в многочисленных исследованиях психологов (В.А. Петровский, Я.А. Пономарев, Д.Б. Богоявленская, А.Г. Асмолов, И.Н. Семенов и др.), и она органично связана со стимулированием рефлексивной активности и повышением ее сложности.

В контексте классической научной рациональности рассмотрение рефлексивной активности ограничивалось в проблематике управления парадигмой «субъект – объект», согласно которой у объекта управления игнорировалась рефлексивная активность; для этого в процедурах выработки управленческих решений использовались разнообразные приемы, в частности, критерии гарантированного результата (maxmin) в теории игр и исследовании операций. Для повышения сложности субъектов управления использовались разнообразные методики стимулирования рефлексии субъектов («рефлексивного выхода»).

РЕФЛЕКСИВНАЯ АКТИВНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Неклассический тип научной рациональности учитывает связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. Экспликация этих связей рассматривается в качестве условий объективно-истинного описания и объяснения мира. Но связи между внутринаучными и социальными ценностями и целями по-прежнему не являются предметом научной рефлексии, хотя имплицитно они определяют характер знаний (определяют, что именно и каким способом мы выделяем и осмысливаем в мире). На результаты научных исследований накладывается осмысление соотнесенности объясняемых характеристик объекта с особенностью средств и операций научной деятельности (Степин, 2003, с. 619–636). Развитие проблематики субъектности в основном связано с преодолением ряда ограничений парадигмы «субъект – объект».

Наибольший вклад в развитие методологических основ неклассической науки внесла, на наш взгляд, отечественная школа методологов, в центр внимания которой была поставлена проблема «средства задают объект» (Лефевр, Щедровицкий, Юдин, 1965). При такой постановке проблемы противопоставление объекта и исследователя оказалось справедливым лишь для «не наделенных психикой» объектов. В случае, когда исследователю противостоит объект, «наделенный психикой», отношение между исследователем и объектом превращается в отношение между двумя исследователями, каждый из которых является объектом по отношению к другому. В таких отношениях исследователь становится всего лишь одним из персонажей в специфической системе рефлексивных отношений. Объекты становятся сравнимыми с исследователем по совершенству (Лефевр, 1969).

В западной науке аналогичные подходы рождались в рамках общей теории систем и кибернетики второго порядка, в переходе от рассмотрения «наблюдаемых систем» к рассмотрению «наблюдающих систем» (Foerster, 1974).

Эти исследования заложили фундамент для перехода от парадигмы «субъект – объект» к парадигме «субъект – субъект».

В связи с разведением парадигм «субъект – объект» и «субъект – субъект» уместно упомянуть критическое замечание В.А.Лекторского о нецелесообразности противопоставления двух типов отношений – субъектно-объектных и субъектно-субъектных. Оно основано на неправомерном отождествлении объекта с физической вещью (Лекторский, 2010, с.7). Это замечание отчасти справедливо, так обе парадигмы включают субъектно-объектные отношения, однако для парадигмы «субъект – субъект» принципиально важно взаимное представление субъектами друг друга, как объектами, так и субъектами. С этим положением согласуется другое утверждение В.А. Лекторского о специфике неклассической научной рациональности. «Я [субъект – В.Е.] не является чем-то изначально и первично данным. Оно возникает в определенных условиях, а, точнее, создается во взаимодействии индивида с другими людьми и вне этих отношений не существует» (Лекторский, 2010, с.13).

Возрастание роли субъекта и субъектно-субъектных отношений в контексте неклассической научной рациональности приводит к необходимости пересмотра доминирования деятельностного подхода; фактически возникает поляризация научных школ (особенно в психологии), ориентированных на деятельностный и субъектно-деятельностный подходы. Более адекватным специфике неклассической научной рациональности оказался субъектно-деятельностный подход. Автором этого подхода (концепции) был философ и психолог С.Л. Рубинштейн. Согласно Рубинштейну, «субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется» (Рубинштейн, 1997б, с.438). Предложенный подход определил границу между знаково-речевым и деятельностным подходами к изучению человека. Высказав кардинальное положение о включении человека в состав бытия, Рубинштейн рассматривал субъектность как наиглавнейший механизм этой включенности. Принцип субъектности (субъекта) неразрывно связан в концепции Рубинштейна с деятельностным

принципом. Деятельность выступает как один из типов активности субъекта, способ его отношения к действительности. Субъектно-деятельностный подход Рубинштейна был развит в работах его учеников К.А. Абульхановой-Славской (Абульханова-Славская, 1973), А.В.Брушлинского (Брушлинский, 1994) и др. Как справедливо отмечает В.А. Петровский, «выдвинутый С.Л. Рубинштейном принцип, согласно которому внешние воздействия вызывают эффект, лишь преломляясь сквозь внутренние условия, противостоял, как представлениям о фатальной предопределенности активности со стороны внешних воздействий, так и истолкованию активности как особой силы, не зависящей от взаимодействия субъекта с предметной средой...» (Петровский, 1996, с.47).

Если для классической научной рациональности базовой была активность в деятельности, то для неклассической – наряду с ней, базовыми становятся и другие формы активности, в частности, общение и рефлексия.

При этом причинность для данного типа объектов уже не может быть сведена к лапласовскому детерминизму и дополняется идеями «целевой причинности» (целевой детерминации). Данный тип объектов может быть отнесен к активным системам, а как базовые наиболее сложные объекты следует рассматривать большие активные системы. Примерами таких систем могут быть биологические организмы и их сообщества, человек и сообщества, организации и т.п.

В контексте философии неклассическая научная рациональность связана с переходом от доминирования позитивизма к философскому конструктивизму, который становится одним из ведущих направлений в рамках этой рациональности. В соответствии с философской позицией конструктивизма то, с чем человек имеет дело в процессе познания и освоения мира, – не какая-то реальность, существующая сама по себе, которую он пытается постичь, а в каком-то смысле продукт его собственной деятельности (коллективной познавательной деятельности или деятельности трансцендентального субъекта, по И. Канту). Конструктивисты считают, что

человек в своих процессах восприятия и мышления не столько отражает окружающий мир, сколько активно творит, конструирует его.

Отсюда вытекает ряд следствий: во-первых, проблема множественности реальностей их соизмеримости, а также переводимости и понимания субъектов, живущих, вообще говоря, в разных перцептивных и концептуальных мирах; во-вторых, проблема телесных и ситуационных детерминант познания, которые делают реальности различных субъектов принципиально несоизмеримыми; в-третьих, если субъект не отражает, а создает реальность, то по каким законам он ее создает (Князева, 2007, с. 70–78)?

Дополнительные основания для развития философского конструктивизма были заложены в кибернетике второго порядка, исходные идеи которой описаны в работах Х. фон Ферстера. «Кибернетика первого порядка разделяет субъект и объект, она указывает на предполагаемый независимый мир “там, вне нас”. Кибернетика второго порядка сама является циклической: человек научается понимать себя частью мира – того мира, который он намеревается наблюдать. Вся ситуация описания сдвигается в другую область, в которой человек внезапно вынужден принять на себя ответственность за свои собственные наблюдения» (Foerster, Pörksen, 1998, с. 114–115). По сути, кибернетика второго порядка представляет собой переход от позитивизма к конструктивизму (Foerster, 2003).

В биологии идеи кибернетики второго порядка нашли свое воплощение в концепции аутопоэзиса У. Матураны и Ф. Варелы, в которой в центре внимания оказались «самость» и «самопрезентация» развивающихся систем. В психологии и психотерапии идеи кибернетики второго порядка нашли своих сторонников, прежде всего, в лице Г. Бейтсона и П. Ватцлавика, взгляды которых согласуются с «конструктивизмом».

Фактически в центре внимания конструктивистов оказываются особого рода субъективные среды множественной реальности. Наиболее четко формализовать описание процессов в такого рода средах удалось В.А.

Лефевру в книге «Конфликтующие структуры» (Лефевр, 1967, с. 9–10). Он выделил особый класс объектов, названных им «объектами, сравнимыми с исследователем по совершенству». Исследователь должен отражать «внутренний мир» таких объектов и владеть специальными средствами, которые были названы рефлексивными. Различие между объектом и исследователем, столь четкое обычно, в этом случае исчезает. Сторонний наблюдатель, исследующий процесс изучения объектов и, как правило, отождествляющий себя с исследователем, попадает в затруднительное положение. Действительно, как ему быть, если объект сам является исследователем? Наблюдатель может становиться в этом случае на «патологическую» позицию: смотреть на все происходящее с точки зрения объекта (рассмотреть исследователя с точки зрения объекта).

При этом в центре внимания оказывается коммуникативная рефлексия, под которой стала пониматься способность встать в позицию исследователя по отношению к другому «субъекту». Такое более широкое понимание рефлексии позволило построить предмет исследования и выявить рефлексивные процессы как обособленный феномен, определяющий специфику взаимоотношений «объектов-исследователей» (Лефевр, 1967).

Междисциплинарное представление о рефлексии как о способности некоторых систем строить модели себя и других систем, одновременно видеть себя строящими такие модели способствовало обогащению представлений об управлении, как естественно-интеллектуальными, так искусственно-интеллектуальными системами. На этом пути удастся провести конструктивные различия между знанием о себе и осознанием себя как носителя такого знания.

Формы осуществления коммуникативной рефлексивной активности могут быть представлены как разнообразные рефлексивные технологии. Наиболее известна предложенная Лефевром в 1960-е гг. технология рефлексивного управления (Лефевр, 1967) как процесса передачи оснований для принятия решения одним из субъектов другому, нашедшая широкое

применение и развитие в различных областях научного знания и прикладных работах.

Однако рефлексивные аспекты управления могут трактоваться намного шире, если в них включить не только непосредственные информационные воздействия на процессы принятия решений, но и опосредствованные воздействия через управление структурами процессов осознания – рефлексивными структурами. При таком подходе рефлексивное управление, по Лефевру, будет рассматриваться как одна из рефлексивных технологий управления. Нами предлагается классификация рефлексивных технологий по трем базовым группам: имитация рефлексивной активности, рефлексивное управление, рефлексивное программирование.

В первую группу – «имитация рефлексивной активности» – входят технологии имитации рефлексивных структур, процессов и технологий, в частности, имитация процессов принятия решений, вскрытие рефлексивного управления и рефлексивного программирования и др. Рефлексивная активность данной группы технологий проявляется в повышении сложности субъекта управления. Это связано с актуализацией рефлексивных структур, необходимых для имитации объекта управления. Что касается сложности объекта управления в представлениях субъекта управления, то она может быть, как завышена, так и занижена по отношению к реальной сложности объекта управления.

Во вторую группу – «рефлексивное управление» – входят разнообразные виды рефлексивного управления: простое рефлексивное управление, встречное рефлексивное управление, двойное рефлексивное управление и др. В этих технологиях, наряду с увеличением сложности субъектов управления, осуществляется управление сложностью объектов управления. Так, при двойном рефлексивном управлении субъект управления осуществляет вскрытие рефлексивного управления организованного объектом управления и передает ему основания для подтверждения успешности данного управления, на самом деле используя эти сведения для

адекватной оценки объекта управления и формирования у него представлений об адекватности используемых им технологий.

В третью группу – «рефлексивное программирование» – входят разнообразные виды управления рефлексивными структурами, процессами и технологиями, в частности: блокировка рефлексии; стимулирование рефлексии; блокировка рефлексивного управления; стимулирование рефлексивного управления; формирование новых рефлексивных позиций; блокировка имеющихся конкретных рефлексивных позиций; формирование «пульсирующей рефлексии»; формирование «виртуальной рефлексии» и др.

При блокировке рефлексии проявляется направленность на понижение сложности объекта управления. Типичные примеры блокировки рефлексии могут наблюдаться в культовых организациях (Лепский, Степанов, 2002, с. 59–72). Стимулирование рефлексии имеет направленность на повышение сложности объекта управления, находит широкое применение в образовательных и психотерапевтических технологиях, в управленческом консультировании, в организации поддержки управленческих решений и др. Аналогичную направленность имеют технологии блокировки и стимулирования рефлексивного управления, а также технологии блокировки и формирования новых конкретных рефлексивных позиций.

Весьма оригинальна рефлексивная технология формирования «пульсирующей рефлексии», при которой у объекта управления формируется неустойчивое состояние актуализируемой рефлексивной структуры, возникает «пульсирующая сложность», затрудняющая организацию какой-либо целенаправленной деятельности и формирования адекватных представлений об отношениях с субъектом управления. Такого рода технологию обнаружил Г. Бейтсон (Бейтсон, 2000), исследуя ее в контексте концепции «двойного послания» (double bind). Двойные связи возникают, когда один из партнеров посылает другому противоположные сигналы разного логического типа. Например, мать говорит ребенку, что он очень красивый, но при этом избегает смотреть на него; или правительство говорит,

что повышает налоги для того, чтобы лучше заботиться о народе. Бейтсон прямо определяет индивидуума, находящегося в ситуации «double bind», как «жертву».

Рефлексивная технология формирования «виртуальной рефлексии» связана с активными действиями объекта управления или сложившимися условиями его субъектной организованности, на основании которых объект управления становится «виртуальным субъектом», имитация рефлексивной активности которого оказывается крайне затруднительной. Эффект «виртуального субъекта» возникает в тех случаях, когда субъекту управления неизвестно, кто конкретно из субъектов, входящих в состав группового субъекта, принимает решение или влияет на него определяющим образом. Возникает неопределенность в оценке сложности объекта управления. Нами было обнаружено, что в экспериментальных игровых конфликтных взаимодействиях, игрок, выигрывавший во взаимодействиях «один на один» у всех других участников игр, проигрывает во взаимодействиях «один против двоих» более слабым игрокам. Этот же эффект «виртуального субъекта» может объяснить важнейшее преимущество предложенной В.А. Лефевром концепции «управляемой конфронтации» (Лефевр, 2002). Ее суть состоит в скрытом объединении двух (или более) субъектов политической деятельности при возникновении внешних угроз, более значимых, чем угрозы в их взаимодействиях. Для внешних субъектов они находятся в конфликте, при этом заранее готовя реальные скрытые оперативные механизмы совместного взаимодействия в случае возникновения более значимых для них угроз. Такой подход позволяет им сформировать «виртуального субъекта», имитировать рефлексивную активность которого весьма затруднительно.

Развитие рефлексивных технологий существенно повлияло на совершенствование технологий управления. Получила принципиальное развитие классическая теория игр и в целом проблематика выбора. Важное направление развития связано с рефлексивными математическими моделями

(основатель – В.А. Лефевр в 1960-е гг.), которые, по замыслу их создателей, предназначались для преодоления ограничений, сформированных в рамках естественнонаучных представлений классической науки.

Во-первых, это было связано с учетом в моделях рефлексивных представлений участников взаимодействий, что позволило обобщить известные концепции равновесия в некооперативных играх. Было проведено расширение пространства моделирования выбора с учетом рефлексивных представлений до многозначных логик и др.

Во-вторых, это проявилось в преодолении слишком упрощенного взгляда на человеческие ценности. В 1969 г. была построена *первая формальная модель* генерации высших ценностей в подобных ситуациях (Лефевр, Баранов, Лепский, 1969). Мы предположили, что каждый субъект является локальным центром социального организма, и что ценности других членов группы влияют на его ценности. *Вторая модель* была создана для выявления склонности субъекта выбрать определенное отношение к другому субъекту (Лефевр, 2003). *Третья модель* – это модель биполярного выбора. Анализ экспериментальных данных показал, что биполярная модель позволяет объяснить наблюдаемое отклонение реальных стратегий, которыми пользуются, как люди, так и животные, от стратегий, оптимальных, с точки зрения утилитарных ценностей (Lefevre, 2006). В теории рефлексивных игр (*четвертая модель*) в качестве универсальной общей ценности был введен принцип запрета эгоизма (Лефевр, 2009), согласно которому, каждый субъект, входящий в группу, преследуя свои личные цели, не должен наносить ущерб группе как целому (принцип не запрещает действия, направленные против интересов группы или общества, если совершающее их лицо не получает никакой личной выгоды).

Другим важным направлением в развитии моделирования субъектов в контексте неклассической научной рациональности явились экспертные системы как вид математических моделей процедур принятия решений, адекватный представлениям парадигмы «субъект – субъект». Они выступают

как средство формализации личного опыта и передачи его другим пользователям с обеспечением возможности идентификации автора знаний и процедур их получения.

Приведем примеры развития моделирования субъектов в рамках парадигмы «субъект – субъект» в экономических системах (Лепский, 2009). Нобелевская премия по экономике в 2005 г. дана Т. Шеллингу, который предложил новый тип точек равновесия – фокальные точки. Шеллинг был, вероятно, одним из первых, кто заметил, что рациональное поведение в играх может состоять не только в том, чтобы максимизировать свой собственный ожидаемый доход, но и в том, чтобы убедить оппонента в том, какой стратегии игрок будет следовать, – иначе говоря, рациональное поведение в игре должно носить стратегический характер (Schelling, 1985). Эту же премию получил Д. Ауманн, который представил равновесие в экономических отношениях как предельный результат сложных процессов социального взаимодействия, причем, результат этот оказывается кооперативным, т.е. максимизирующим возможное благосостояние всех участников. Фактически Ауманн ввел в экономический анализ рефлексивных процессов, имеющих место в интерактивном взаимодействии участников экономических отношений.

Переход от парадигмы «субъект – объект» к парадигме «субъект – субъект» привел к новым представлениям о видах управления субъектами: появляются рефлексивное управление, информационное управление, управление активными системами и др.

В контексте неклассической научной рациональности проблема учета рефлексивной активности вошла в круг первоочередных проблем управленческой тематики, что связано с использованием в управлении как базовой парадигмы «субъект–субъект», а также с переходом от деятельностного к субъектно-деятельностному подходу. Были разработаны разнообразные рефлексивные технологии управления субъектами, в которых

реализованы различные механизмы управления рефлексивной активностью субъектов и объектов управления.

РЕФЛЕКСИВНАЯ АКТИВНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Постнеклассический тип научной рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью. В нем учитывается соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем, эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями, решается задача осмысления ценностно-целевых ориентаций субъекта научной деятельности в их соотнесении с социальными целями и ценностями.

Согласно позиции создателя теории постнеклассической научной рациональности В.С. Степина, в фокусе внимания оказываются человекообразные саморазвивающиеся системы. Субъекты и различные формы их организованности, ориентированные на развитие, становятся объектами исследований.

С.Л. Рубинштейн определял субъекта как способ реализации человеком своей человеческой сущности в мире. Это определение предполагало определенное качество субъекта как детерминанты осуществляемых им изменений в мире (активности) – его способность к самостоятельности, самодетерминации (саморегуляции, самоорганизации) и самосовершенствованию (Абульханова, 2000, с. 13–26). Рубинштейн доказывал, что деятельность, также, как и сознание, – это изначальная способность субъекта (Рубинштейн, 1976).

Такое понимание постнеклассической научной рациональности предполагает введение в контекст любых научных исследований понятия «среды» (полисубъектной), на фоне которой они проводятся. Среды, которая включает в себя, наряду с различными типами субъектов, совокупность ценностей мирового культурного развития; среды, которая сама

рассматривается как саморазвивающаяся система. Средовая парадигма саморазвивающихся систем становится ведущей в контексте постнеклассической научной рациональности.

При этом парадигмой управления постнеклассической науки становится парадигма «субъект – полисубъектная среда» («субъект – метасубъект»). Роль субъектов еще более возрастает; происходит восхождение от деятельностного (классика), к субъектно-деятельностному (неклассика) и далее к субъектно-ориентированному (постнеклассика) подходу (Лепский, 2015).

Потенциальные возможности развития любой системы определяются в значительной степени разнообразием ее элементов. Природа продемонстрировала нам опыт выживания в сложнейших ситуациях и развития при условии сохранения богатейшего разнообразия, как по видам, так и по размерам элементов. При организации полисубъектной саморазвивающейся интеллектуальной среды надо стремиться к подобному разнообразию видов субъектов (индивиды, группы, организации и другие типы традиционных видов субъектности, искусственные формы псевдосубъектности, комбинированные формы субъектности на основе естественного и искусственного интеллекта).

В центре внимания оказывается специфический вид рефлексивной активности субъектов по отношению к саморазвивающейся среде как целостному метасубъекту – рефлексивная активность стратегических субъектов. Будем называть стратегическим субъектом субъекта, включенного в какой-либо метасубъект (семью, группу, организацию, страну и др.), идентифицирующего себя с этим метасубъектом и регулирующего свою активность (деятельностную, коммуникативную, рефлексивную) с учетом ее влияния на метасубъекта. В центре внимания постнеклассической научной рациональности оказывается этика стратегических субъектов саморазвивающихся сред, ориентированная на проблему сохранения целостности субъектов и их сборку (Лепский, 2014). Принципиально важно

отметить, что постнеклассическая научная рациональность рассматривает деятельность ученых как стратегических субъектов, вводит в контекст рассмотрения науки этику стратегических субъектов.

В контексте парадигмы «субъект – полисубъектная среда» принципиально изменяется подход к управлению рефлексивной активностью. Системы становятся настолько сложными, что построить их адекватные модели и организовать процесс управления сложностью становится принципиально невозможным. Представление о внешнем наблюдателе для таких систем оказывается чрезмерно идеализированным. Наблюдатель как бы «распределяется» по системе; он виртуален. Системы становятся «самонаблюдаемыми», а процессы управления превращаются в процессы саморегулирования. Участие внешних субъектов в управление такими системами возможно на основе воздействия на механизмы их саморегулирования.

Рассмотренные методологические предпосылки позволили нам разработать концепцию организации саморазвивающихся рефлексивно-активных сред, в которых заложены разнообразные механизмы саморегулирования рефлексивной активности. Важно отметить, что для понимания специфики и разнообразия механизмов саморегулирования в саморазвивающихся средах необходимо рассматривать их в контексте онтологий и принципов организации сред. Впервые методологические основы организации саморазвивающихся сред были разработаны для совершенствования автоматизированных систем организационного управления страной (Лепский, 1998); в последние годы они усовершенствованы в контексте организации инновационного развития (Лепский, 2010).

Основные цели формирования и введения в практическую работу методологических (онтологических) схем организации деятельности и взаимодействия субъектов саморазвивающихся сред связаны с необходимостью создания технологий, обеспечивающих учет

разносторонних форм проявления активности субъектов с четкой фиксацией продуктов обмена (нормы, средства, знания и др.) и форм их кооперации.

Была предложена система онтологических схем для саморазвивающихся рефлексивно-активных сред, включающих:

- сопровождение устоявшихся видов деятельности (коммуникаций) и их субъектов;
- поддержку субъектов в точках разрыва устоявшихся видов деятельности (коммуникаций) и воспроизводства их субъектов;
- развитие устоявшихся видов деятельности (коммуникаций) и их субъектов;
- конструирование новых видов деятельности (коммуникаций) и новых субъектов;
- внедрение инновационных проектов новых видов деятельности (коммуникаций) и новых субъектов.

Эти схемы не являются альтернативными, более того, они дополняют друг друга и задают систему онтологий развития. Предложенная система методологических схем позволяет интегрировать деятельностный, субъектно-деятельностный и субъектно-ориентированный подходы, оптимально использовать для развития социальный, корпоративный и индивидуальный опыт. В контексте современных философских представлений предложенная система методологических схем соответствует исходным идеям постнеклассических наук об управлении социальными системами и задает основу (каркас) для постановки междисциплинарных проблем и задач обеспечения развития.

Структура базовых принципов организации саморазвивающихся рефлексивно-активных сред включает пять групп принципов: мировоззренческие принципы; общенаучные методологические принципы; методологические принципы субъектности; методологические принципы синергетики; методологические принципы проектирования, управления и развития социотехнических систем (Лепский, 2010). Для понимания

специфики саморегуляции рефлексивной активности наибольшее значение имеет принцип «двойного субъекта» из группы «методологические принципы субъектности». В этой связи дадим краткое описание этого принципа.

Логику внешнего проектирования саморазвивающейся рефлексивно-активной среды определяет, в первую очередь, динамическая структура субъектных позиций (рефлексивная структура). Активная среда для поддержки конкретных субъектов должна актуализировать для диалога адекватный активный элемент (АКТЭЛ)¹ или структуру АКТЭЛов. Адекватность АКТЭЛа определяется, прежде всего, соответствием актуализированной у субъекта в данный отрезок времени позиции. Среда должна обладать множеством АКТЭЛов, адекватных по составу потенциально возможным структурам субъектных позиций и, кроме того, – механизмом актуализации АКТЭЛов.

Осуществление в системах поддержки динамической актуализации АКТЭЛов, адекватных субъектным позициям, будем называть реализацией принципа «двойного субъекта». Это означает, что в процессах взаимодействия субъекта со средой всегда существуют, как минимум, два субъекта: актуализированная субъектная позиция (виртуальный субъект) и актуализированный АКТЭЛ (виртуальный АКТЭЛ) среды, т.е. актуализируются определенные типы рефлексивных структур.

¹Под АКТЭЛами мы понимаем активные элементы, обладающие рядом базовых субъектных свойств (целеустремленностью, коммуникативностью, рефлексивностью, социальностью, способностью к развитию), выполняющие определенные функции и реализованные на субстратном уровне естественным или искусственным интеллектом, а также их комбинациями. Для АКТЭЛов, реализованных на основе искусственного интеллекта, базовые субъектные свойства следует рассматривать как «псевдосубъектные», представления о которых развивается по мере развития науки. Понятие АКТЭЛов как элементов архитектуры систем поддержки управленческой деятельности было введено автором и использовано в проектировании конкретных автоматизированных систем организационного управления в начале 1980-х гг. Понятие АКТЭЛ принципиально отличается от широко используемого в ряде областей знания понятия «агент». Агенту предполагается передача, делегирование каких-либо полномочий субъектов. Понимание АКТЭЛа предполагает включение качеств агентов, более того, они могут быть и самостоятельными свободными субъектами. Необходимость введения понятия АКТЭЛ связана с возможностью их реализации на основе искусственного интеллекта, а также соорганизации искусственного и естественного интеллекта.

Принцип «двойного субъекта» определяет важнейшие технологические процедуры среды обитания субъектов:

- процедура рефлексивной декомпозиции субъектов (выявления субъектных позиций);
- процедура идентификации виртуального субъекта;
- процедура актуализации виртуального АКТЭЛа;
- процедура «свертывания» устоявшихся видов активности;
- процедура рефлексивного синтеза (построения моделей деятельности, моделей субъектов деятельности, личностных моделей и др.) (Лепский, 1998).

Определяя таким образом логику функционирования активной среды обитания субъектов, мы исходим из примата структурных образований, определяющих свойства и функции отдельных частей, входящих в их состав, фактически включаем сознание пользователя в определенную структуру и обеспечиваем ее функционирование.

Заметим, что идеи, аналогичные принципу «двойного субъекта», высказывались в связи с организацией функционирования различных типов систем (Лепский, 1998).

Принцип «двойного субъекта» позволяет рассматривать инновационное развитие как динамическую трансформацию субъектов в виртуального группового субъекта и, соответственно, – как динамическую трансформацию индивидуальной деятельности субъекта в виртуальную групповую деятельность, осуществляемую во взаимодействии субъектов с рефлексивно-активной средой.

Принцип «двойного субъекта» определяет общую схему организации взаимодействия функциональных систем, их унификацию и подход к реализации на социотехнических компонентах, которые могут рассматриваться и как нормы организационно-деятельностных структур.

С точки зрения обеспечения рефлексивных процессов, принцип «двойного субъекта» направлен на повышение уровня и адекватности

рефлексии за счет актуализации соответствующих АКТЭЛов; вместе с тем, у субъекта появляется возможность организовать «свертывание» рефлексивных структур в соответствующие структуры АКТЭЛов, накапливая в «активной форме» личный опыт в активной среде обитания.

Погружение субъекта в среду позиционно-рефлексивного сотрудничества является конструктивной основой для развития его рефлексивных способностей. Доказательство этого утверждения мы находим в многочисленных экспериментальных исследованиях по развитию способностей к рефлексии в учебной деятельности на основе «погружения» учеников в учебное позиционно-рефлексивное сотрудничество.

Приведенные фрагменты методологии организации саморазвивающихся рефлексивно-активных сред позволяют выделить некоторые механизмы саморегулирования рефлексивной активности:

1) Механизм *«рефлексивное восхождение»* – стимулирование рефлексивной активности на основе актуализации ресурсов среды в поддержку любого ее субъекта при возникновении «точек разрыва различных видов активности»). Методологическая схема *«поддержка»*.

2) Механизм *«рефлексивная кооперация»* – стимулирование рефлексивной активности на основе кооперации актуализированных АКТЭЛов с субъектами, у которых возникли проблемы развития их форм активности (долговременное «накопление» сложности). Методологическая схема *«развитие»*.

3) Механизм *«активного освоения новаций»* – стимулирование рефлексивной активности в коммуникативных процессах за счет актуализации ресурсов среды в поддержку любого ее субъекта при преодолении сложности освоения новых видов активности. Методологическая схема *«внедрение»*.

4) Механизм *«свертывание устоявшихся форм активности»*, передача АКТЭЛам среды устоявшихся форм активности. Понижение рефлексивной

активности субъектов за счет свертывания в среду устоявшихся форм активности. Методологическая схема «сопровождение».

5) Механизм «открытости к освоению новых форм активности» – стимулирование или понижение рефлексивной активности за счет введения или поглощения новых форм активности. Методологическая схема «конструирование».

6) Механизм «активного исследования субъектов» – моделирование субъектов с целью повышения возможностей саморегулирования рефлексивной активности.

7) Механизм «ориентации на конкретного субъекта» – саморегулирование рефлексивной активности с учетом моделей конкретных субъектов.

Во всех рассмотренных механизмах используется принцип «двойного субъекта».

Таким образом, в контексте постнеклассической научной рациональности проблема управления рефлексивной активностью трансформируется в проблему ее саморегулирования. Возможность саморегулирования предопределяется онтологиями и принципами организации саморазвивающейся рефлексивно-активной среды. При этом важно отметить конвергенцию парадигм «субъект – объект», «субъект – субъект» и «субъект – метасубъект (саморазвивающаяся среда)», а также конвергенцию деятельностного, субъектно-деятельностного, субъектно-ориентированного подходов. Это позволяет создавать новые механизмы саморегулирования рефлексивной активности субъектов саморазвивающихся сред.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В контексте развития представлений о научной рациональности (классическая, неклассическая, постнеклассическая) обосновано увеличение роли и разнообразия видов рефлексивной активности в управлении. Выделены адекватные типам научной рациональности базовые подходы

(деятельностный, субъектно-деятельностный, субъектно-ориентированный) и базовые парадигмы («субъект – объект», «субъект – субъект», «субъект – метасубъект»). Проанализированы доминирующие виды рефлексивной активности. Обоснован тренд перехода от управления к саморегулированию рефлексивной активности в саморазвивающихся рефлексивно-активных средах.

Литература

Абульханова-Славская К.А. О субъекте психической деятельности. М., 1973.

Абульханова К.А. С.Л.Рубинштейн – ретроспектива и перспектива // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В.Брушлинского, М.И.Воловиковой, В.Н.Дружинина. М.: Изд-во «Академический проект», 2000. С.13–26.

Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Пер. с англ. М.: Смысл, 2000.

Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М.,1994.

Князева Е.Н. Проблема субъекта в философском конструктивизме // Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В.И.Аршинова и В.Е.Лепского. М.: Когито-Центр, 2007. С.70–78.

Лекторский В.А. Субъект в истории философии: проблемы и достижения // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. Вып. 1. С.5–18.

Лепский В.Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.

Лепский В.Е. Рефлексивный анализ парадигм управления (интерпретация Нобелевских премий по экономике XXI века) // Четвертая Международная конференция по проблемам управления (26–30 января 2009 года): Сборник трудов. М.: Изд-во «Учреждение Российской академии наук Институт проблем управления им. В.А.Трапезникова РАН», 2009. С. 1302–1308.

Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010.

Лепский В.Е. Доминирующие этические установки в различных типах научной рациональности и их отражение в моделях В.А. Лефевра // Научно-техническое развитие и прикладная этика / Отв. ред. В.Г. Горохов, В.М. Розин. М.: ИФ РАН, 2014а. С. 181–200.

Лепский В.Е. Становление субъектно-ориентированного подхода в контексте развития представлений о научной рациональности // Наука и социальная картина мира. К

80-летию академика В.С.Степина /Под ред. В.И.Аршинова, И.Т.Касавина. М.: Альфа-М, 2014б. С.392–420.

Ленский В.Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: Когито-Центр, 2015.

Ленский В.Е., Степанов А.М. Особенности рефлексивных процессов в культовых организациях // Рефлексивные процессы и управление. 2002. №2. С. 59–72.

Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М.: Высшая школа, 1967.

Лефевр В.А. Системы, сравнимые с исследователем по совершенству // Системные исследования. М.: Наука, 1969.

Лефевр В.А. Просчеты миротворчества // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 2. С. 48–51.

Лефевр В.А. Алгебра совести. М.: Когито-Центр, 2003.

Лефевр В.А. Лекции по теории рефлексивных игр. М.: Когито-Центр, 2009.

Лефевр В.А., Баранов П.В., Ленский В.Е. Внутренняя валюта в рефлексивных играх // Известия Академии Наук СССР. Техническая кибернетика. 1969. №4. С.29–33.

Лефевр В.А., Щедровицкий Г.П., Юдин Э.Г. «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах // Проблемы исследования систем и структур. Материалы к конференции. Сборник статей. М.: АН СССР, 1965.

Петровский В.А. Личность в психологии. Ростов-на-Дону, 1996.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976. С.253–381.

Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. М.: Наука, 1997а.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997б.

Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

Foerster H. von. Cybernetics of Cybernetics. Urbana Illinois: University of Illinois, 1974.

Foerster H. von. On constructing the reality (originally published in 1973) // Understanding understanding: Essays on cybernetics and cognition. N.-Y.: Springer Verlag, 2003.

Foerster H. von, Pörksen B. Wahrheit is die Erfindung eines Lügners: Gespräche für Skeptiker. 2. Auf. Heidelberg: Carl-Auer-Systeme Verlag, 1998. P.114–115.

Lefevre V.A. Research on Bipolarity and Reflexivity. Lewiston: The Edwin Mellen Press, 2006.

Müller K.H. The Multiple Faces of Reflexive Research Designs // Systemics, Cybernetics and Informatics. 2015. Vol. 13.No. 6. P.87–98.

Umpleby St.A. Second order science: logic, strategies, methods // *Constructivist Foundations*. 2014. Vol. 10. No. 1. November. P. 16–23.

REFLECTIONACTIVITYISIN MANAGEMENT

V.E. Lepsky*

**Doctor of psychological sciences, researcher of the Institute of philosophy*

RAS, Moscow, Russia

Summary. In the context of development of ideas of scientific rationality (classical, nonclassical, post-nonclassical) increase in a role and a variety of types of reflexive activity is proved in control. Allocation of basic approaches (activity, subject-activity, subject-focused) adequate to types of scientific rationality and paradigms ("subject – object", "subject – subject", "subject – metasubject") has allowed to allocate the dominating types of reflexive activity corresponding to them. The transition trend from control to self-regulation of reflexive activity in self-developing reflexive-active environments is proved.

Keywords: reflexive activity, classical, nonclassical, postnonclassical rationality, subject-focused approach, activity approach, subject-activity approach, self-developing reflexive-active environments